

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИКЪ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СИМПОЗИУМА
«РОССИЯ И ПАЛЕСТИНА: КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ СВЯЗИ
И КОНТАКТЫ В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ»

(МОСКВА — СВЯТО-ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА —
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА)
23—27 ЯНВАРЯ 1990 ГОДА

31-й (94-й) ВЫПУСКЪ

ИЗДАНИЕ
ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО
ОБЩЕСТВА

МОСКВА

1992

Е. С. Евсеев († 1990)
(заместитель председателя Российского
Палестинского общества, СССР)

ПАЛОМНИЧЕСТВО В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Позволю себе напомнить понятие «паломничество», смысл которого сегодня не все, к сожалению, понимают правильно. Строго говоря, паломничество — богомолье у Гроба Господня в Иерусалиме.

С самых первых веков христианства паломничество было столь распространенным подвигом и ему придавалось такое высокое нравственное значение, что Златоуст мог уже тогда обращаться к своему слушателю со словами: «Скажи мне, где гроб Александров? — Александрова гроба не знают и свои, а Гроба Господня знают и варвары. И гробы рабов Распятого блистательнее царских дворцов не только по величию и красоте строений, ибо и в сем они превосходны; но, что важнее, по ревности стекающихся к ним». Сказавши затем о различных знамениях, совершающихся на местах благоговейного чествования христиан, Златоуст продолжает: «Посему, едва ли кто предпринимал путешествие для того, чтобы видеть дворцы царские; напротив, многие цари отправлялись для такового зрелища» (Златоуст, Толк. на 2 Послание к Коринфянам, Москва, 1843 г., сс. 530, 533).

Такова наша иллюстрация к определению паломничества как нравственного подвига, вполне усвоенного русскими под влиянием Византии, которое выразилось в том, что они получили сведения о Святой Земле, о святых местах Востока через контакты прежде всего с Византией.

С различными достопримечательностями собственно Византии русские познакомились очень рано. Из собственного опыта и наблюдений во время своих походов на Царьград при Аскольде и Дире, Олеге и Святославе для них уже не были в диковинку достопримечательности византийские сугубо религиозно-церковного характера. Так, уже во время первого похода Аскольда и Дира против Византии в 866 г. наши предки без сомнения испытали на себе влияние христианства. При князе Олеге (после заключения Олегом договора с греками) русских водили по церквям, демонстрировали храмовую строгую красоту. «Еще же, — говорил Нестор, — чудеса Бога своего, и страсти Господни, и венец и гвоздь, и хламиду багряную, и мощи святых».

Значительно подробнее и ближе русские смогли познакомиться с различными святынями Царьграда во время путешествия Олега и посольства Владимира.

Наконец, с Востоком и его святынями русские имели возможность познакомиться через рассказы хожалых людей, каковыми личностями, по большей части, были странники. Так, в Житии преподобного Феодосия мы встречаем известие о иерусалимских паломниках (А. Филарет, русские святые под 3 мая. Цит. по: Древняя и новая Россия, СПб, 1878 г., № 8, с. 327).

Преподобный Антоний сам путешествовал на Афон; в Суздале мы видим некоего странника у Авраамия, знаменитого своими похождениями (Описание это мы встречаем в Памятниках старинной русской литературы, вып. I, СПб, 1872, с. 211) и тому подобное. Таковы пути, по-

средством которых русские приобрели сведения о различных местах и предметах благоговейного чествования христиан.

Влияние Византии, выразившееся в сообщении русским сведений о различных святых Востока, а также в сообщении понятий о самом паломничестве, нашло в русских весьма восприимчивую и благодарную почву.

Как результат этого влияния, мы видим очень рано путешественников по святым местам Востока.

Начало паломничества, по преданию, относится ко времени князя Владимира. Например, хорошо известна легенда о том, как «сорок каллик со каликою» снаряжались в Иерусалим, как они встретили на этом пути Владимира, как он угостил их и они пошли в Иерусалим. Есть другая легенда про знаменитого удалого богатыря Василия Буслаева, повествующая о том, как по совету старища-пилигримища и с великого благословения матери своей шел он в Иерусалим град (Терновский, Изучение византийской истории, Киев, 1876 г., вып. 2-й, с. 8). Та и другая легенды характера древнего повествуют об эпохе отважности и богатырских подвигах. Та и другая говорят, что русское паломничество было совершаемо довольно значительными группами: в первой легенде упоминаются 40 каллик с каликою, во второй — целая дружина, во главе которой стоял Василий Буслаев.

По другим сведениям, уже историческим и менее легендарным, мы знаем, — говорит знаток древнерусского паломничества А. Гиляревский, — что паломничество, особенно в начале его, было часто, и совершалось, за исключением немногих случаев, не иначе, как группами, во главе с авторитетным или известным по тем временам лицом (См. Древняя и новая Россия, СПб, 1878 г., № 8, с. 329, 330). При преемнике Владимира Ярославле паломничество на первых порах находилось под покровительством церкви. И из Русской Правды видно, например, что паломники находились в ведении церкви и состояли в числе церковных людей (Терновский, цит. соч., с. 9).

В Патерике Печерском есть указание на то, что из Киево-Печерского монастыря, вскоре после кончины преподобного Антония, в 1080 году идут ко святым местам игумен Варлаам и инок Ефрем. Затем мы имеем уже целый ряд паломников, оставивших после себя описание своих странствий. При этом можно предположить, что было много и таких паломников, сведения о которых не сохранились.

Здесь возникает вопрос: какими же чертами характеризуется древнерусское паломничество, как факт исторической жизни русского народа?

Мы полагаем, что паломничество, несомненно, есть прежде всего, факт религиозно-нравственной жизни народа. Это также выражение наблюдательности, памятником которой служат записки паломников. В этих двух отношениях мы не ставим целью давать характеристику древнерусского паломничества в развернутом виде и за недостатком времени ограничимся краткими замечаниями, коснувшись в общих чертах паломничества как религиозно-нравственного подвига.

Побуждения к паломничеству, естественно, прежде всего религиозные. Путешествия к святым местам, молитва у них, по общему мнению набожных русских людей, имели особенное достоинство у Бога. В житии преподобной Евфросинии есть замечания о том, что когда она изъявила желание идти в Иерусалим, то восплакали по ней ее родичи, но ее обещание молиться у св. Гроба утешило плачущих. Заслуживают внимания эти внутренние причины паломничества в легенде о каликах-перехожих. Эти паломники снаряжались в Иерусалим затем, чтобы

Святой святыне помолиться,
Господню гробу прислониться,
В Ердан реке искупаться,
Нетленной ризой утереться...

Самое посещение святых мест состояло исключительно в молитвах и других религиозных понятиях. Люди, шедшие замолить у святых мест свои грехи и помолиться за своих близких и знакомых, живых и умерших, и за всю Землю Русскую, действительно все это делали: поклонялись Гробу Господню и ставили здесь кандила-свечи, как Даниил и преподобная Евфросинья. Купались в Иордане, служили обеды с молитвами, как переходные-калики или как Василий Буслаев

Пришел в церкву соборную,
Служил обедню за здравие матушки
И за себя, Василия Буслаевича,
И обедню с панихидою служил
По родимом своем батюшке
И по всему роду своему;
На другой день служил обедню с молебнами
Про удалых добрых молодцев,
Что с молоду бито много, граблено,
И святой святые приложился он,
И в Иордан-реке искупался,
И расплатился с попами и дьяконами,
Которые старцы при храме живут,
Дал золотой казны не считаючи...

Таким вот образом воспроизвел паломничество Василия Буслаева Кукольник в своих «Картинах русской живописи». Очевидно, что древнее русское паломничество было, прежде всего, результатом сильнейшего религиозного чувства, ибо рассматриваемое нами время можно не без основания обозначить как время господства религии, когда религиозный интерес составлял альфу и омегу, т. е. начало и конец всей жизнедеятельности человека. История развития русской народной жизни за весь древний период действительно свидетельствует, что, за весьма немногими исключениями, сознание своей всецелой зависимости от Бога побуждало человека следить за своими отношениями только к Нему, заботиться об удовлетворении только Его одного и игнорировать, а иногда и заведомо злоупотреблять своими отношениями к ближним. Это в особенности следует сказать о паломничестве. Чувство, влекшее наших предков к святым местам, было, бесспорно, сильно. Но в древнем русском паломничестве мы не видим, что оно окрашено исключительно цветом бескорыстия, то есть в нем присутствуют ряд мотивов. Наряду с исключительно светлой стороной христианства, а именно с совершеннейшей любовью к Богу, любовью проникающей очищающей и преображающей все духовно-нравственное существо человека, у наших древних паломников, предпринимающих подвиг странничества, мы видим и другой момент:

Смолоду было много бито, граблено,
Под старость надо душу спасти...

И такое явление мы замечаем не только в начале истории. Обращаясь к концу нашего древнего паломничества, мы видим то же самое грустное явление. Царь Иван Грозный отправляет своих людей на поклонение к святым местам за тем, чтобы они молились за душу убитого им сына. Какой-нибудь смиренный Гагара предпринимает этот подвиг тоже в тех видах, чтобы замолить свои прежние грехи. Потому-то, может быть, и вообще большинство наших древних паломников отправлялось в путь-дорогу дальнюю уже в преклонных летах, то есть в тот период жизни, когда уже ничего более не оставалось, как только душу спасти.

Понятно, что изложенные нами факты явились результатом отношения к паломничеству как нравственному действию, более того как нравственному подвигу. Паломничество считалось у наших предков, как впрочем и на Востоке, нравственно-религиозным подвигом и совер-

шаемо было в строго-религиозном духе. Так, оно предпринималось вследствие добровольных обетов, по большей части личных. (Как бы исключением в этом отношении выступают в роли паломников братья Игнатий и Трифон Коробейниковы, направлявшиеся на поклонение не по своим собственным обетам, а по воле других лиц: Игнатий находился в свите смоленского епископа Михаила и митрополита Пимена, отправлявшихся в Царьград, а последний ходил на богомолье по воле Грозного. Но что касается первого, то его путешествие с митрополитом и епископом так гармонировало с его душевным настроением, что по прибытии в Царьград он тотчас же занялся поклонением святым местам. И продолжал оное, по его словам, непрерывно в течение восьми дней. В лице второго является паломником сам царь, как представитель направления и духа своего времени, веривший в особую ценность и значимость возносимой Богу молитвы у святых мест).

Возвращаясь к нашему предмету, важно отметить, что при отправлении в путь у странников были особые молитвы, а самый путь к святым местам совершался строго-нравственным образом. Напомним, например, что калики-перехожие положили промеж себя такую заповедь, что

Кто украдет, или солжет,
Али кто пустится в большой грех,
Едино оставить в чистом поле
И окопать по плечи в сыру землю...

Все это, очевидно, так и должно быть. Однако представление наших предков о паломничестве как нравственном подвиге, как об одном из многих средств для достижения нравственного совершенства, имело и другое содержание: они смотрели на паломничество, как на жертву или как на подвиг, почему-то особенно угодный Богу. По их мнению, можно было целую жизнь прожить как угодно, но лишь бы только удалось сходить к святым местам и все будет прощено. А посему, многие, если не большинство, отправлялись в путь даже и без религиозно-нравственных побуждений, чтобы (как видно из ответов Нифонта Кирилу) проводить время в праздности. Но и такие паломники все-таки видели заслугу в самом посещении святых мест, заслугу, которая с лихвой покрывала и окупала их недостойный образ жизни. Из того же ответа Нифонта Кирилу видно, что пастыри церкви считали даже лучшим запрещать посещение святых мест, учитывая как раз этот своеобразный момент. Считалось, что паломничество — подвиг трудный, в котором весьма велико проявление самоотверженной любви к Богу. Вполне нравственным подвигом паломничество является только тогда, когда бывает действием человека, одушевленного любовью к Богу, т. е. любовью, проявляющеюся не в одном только этом действии, но обнимающею все стороны его духовно-нравственной природы. В противном случае, т. е. если любовь к Богу будет обнаруживаться в одном только факте паломничества и не будет простирается на исполнение требований всей области нравственного Закона Божия, то очевидно, что самая любовь эта будет не искренна, не будет таковым психическим состоянием, каковым она должна бы быть в принципе, а в таком случае и самое паломничество, как удовлетворение одних потребностей за счет других, является в нравственной области фактом уже не естественным, ибо будучи само по себе неким безразличным внешним действием, оно только тогда и становится нравственным подвигом, когда проистекает из совершенной любви к Богу, любви, одухотворяющей мертвый обряд, сообщающей высокое нравственное значение всяким внешним подвигам самопожертвования и аскетизма.

Потому-то, как я полагаю, мы должны сознаться, что паломничество в религиозно-нравственной жизни наших предков не всегда было тем, чем оно должно было быть, т. е. оно не всегда было подвигом в точном смысле этого слова.

Вот этим-то замечанием мы и закончим краткое рассмотрение древнего русского паломничества в Святую Землю как высоко-нравственного религиозного подвига.

Не зря говорят, что новое — это хорошо забытое старое. И сегодня, когда перед нами возникают вполне реальные перспективы возрождения и восстановления паломничества в своих правах в условиях перестройки, когда православие обретает новые возможности в руководстве духовной жизнью нашего народа, важно напомнить о паломничестве как многотрудном и самоотверженном поступке, как о религиозно-нравственном подвиге, который вряд ли можно уравнивать в правах с популярным во всем мире занятием туризмом, но который может быть сочетаем с ним, имея в виду опыт древнерусского паломничества к святым местам.